

ФОРМИРОВАНИЕ ПРОГНОЗНЫХ МОДЕЛЕЙ

Первый тур опроса экспертов

Игорь БЕСТУЖЕВ-ЛАДА, академик РАО

Продолжаем знакомить читателей с программой исследования системы народного образования, проведённого сектором социального прогнозирования Института социологии РАН (см.: НО. 2002. № 5, 7).

I

Эта статья была бы более интересной, если вместо следующего ниже текста я бы привёл шестнадцать расшифрованных записей интервью с нашими экспертами и присовокупил к ним протокол анкетирования другой группы экспертов. Однако в этом случае мы получили бы такой объём, с которым вряд ли согласились бы издатели.

К тому же сразу была бы нарушена гарантия анонимности экспертов, под какую они согласились в своё время дать нам интервью. Не помогло бы даже просто умолчание их имени при «личностном» изложении взглядов каждого из них. Все шестнадцать настолько крупные и оригинальные личности, хорошо известные в стране и за её пределами или, по крайней мере, в сфере образования, что конкретный автор высказывания будет легко угадан при любых «фигурах умолчания».

В такой ситуации единственный выход из положения — принципиально «безличный», сугубо проблемный подход к результатам опроса. Каждый интервьюер получил разработанный исследовательской группой «План глубокого интервью» (см. Приложение: НО. 2002. № 5. С. 28–30). План предписывал эксперту сосредоточиться на двух вопросах: в чём заключается кризис системы народного образования РФ и какой может быть программа нововведений в этой сфере. По первому вопросу требовалось оценить перспективы дальнейшего развития системы образования, прояснить тему необходимости и желательности школьной реформы, сформулировать и проранжировать основные проблемы, стоящие перед системой, указать, на какие тенденции её развития можно повлиять. По второму вопросу предлагалось назвать возможные конструктивные нововведения во всех основных подсистемах СНО. Наконец, у эксперта спросили совета относительно структуры и содержания анкеты для другой группы экспертов.

Каждому из шестнадцати экспертов до начала интервью был представлен перечень вопросов, на которые было бы желательно получить ответ. Этот перечень составлялся сугубо для предварительной ориентации эксперта в последующем разговоре, ни к чему его не обязывал, предусматривал полную возможность исключения каких-то или даже всех до единого пунктов с заменой их другими, по личному усмотрению эксперта, что и происходило при проведении интервью.

Предварительный перечень вопросов выглядел следующим образом:

- 1. Существует ли кризис в системе народного образования России, и если да, то в чём он проявляется?**
- 2. Какие проблемы СНО можно считать наиболее существенными?**
- 3. Какова цель образования сегодня в нашей стране?**
- 4. На какие тенденции, которые наметились в сфере СНО, можно повлиять?**
- 5. Как должны выглядеть подсистемы СНО в обозримой перспективе?**

С каждым из экспертов были согласованы временные и масштабные рамки интервью. Было условлено, что эксперты не ограничатся перспективой 1997–2000 гг., а затронут сле-

дующее пятилетие и, где возможно, перспективу до 2010 года, вполне достаточную для цели и задач исследования. Что касается масштабов, то эксперты были вольны ограничиться любой из существующих подсистем СНО или несколькими из них, но им было высказано пожелание оценивать, по возможности, ожидаемые и желаемые изменения всей СНО в целом.

Ниже следуют сводки экспертных суждений по каждому из пяти пунктов.

II

По поводу кризиса в системе народного образования мнения экспертов разошлись диаметрально, что подтверждает исключительную сложность феномена и его пока ещё только начинающееся осмысление, в связи с чем нет устоявшейся, утвердившейся точки зрения. Диапазон оценок был достаточно широк. От «никакого кризиса нет, есть обычная проблемная ситуация, каких было немало и обязательно будут в будущем, ибо без этого нет развития», до — «это уже не проблемная, а кризисная ситуация, способная за считанные годы перерасти в катастрофическую, если вовремя не предпринять радикальные меры». Все остальные оценки оказались промежуточными в рамках этого диапазона.

При таком разбросе мнений важно понять суть феномена — безразлично, называется он проблемой или кризисом. А для этого необходимо уяснить, в чём, собственно, проявляется «проблема» или «кризис». Здесь эксперты были более или менее единодушны. Они констатировали серьёзные изменения в экономической, социальной, политической, культурной жизни общества, подчёркивая в то же время, что система народного образования отнюдь не претерпела столь же серьёзных изменений (хотя её положение, несомненно, значительно ухудшилось по сравнению с предыдущими десятилетиями). Таким образом, наметился и увеличивается разрыв между «вызовами», по сути, качественно нового общества и «ответами» на них существующей СНО. В особенности это касается содержания преподавания, методик и «объективной профориентации средней и высшей школы», приходящей во всё более острое противоречие с сегодняшними требованиями общественного производства.

Заслуживает внимания то, что несколько экспертов описали проблемно-кризисную ситуацию как «ситуацию отсутствия целей образования». Формулировки гласили: «В ситуации отсутствия чёткой цели, чёткого заказа мы не знаем, какое общество строим, а значит, не готовы к адекватному обучению и воспитанию учащихся, что не может не породить самых острых проблем», «Кризис проявляется в абсолютной неразработанности целей и развития общества в целом и системы образования в частности, иными словами — в полной неопределённости социального целеполагания», «Никакого кризиса нет, есть кризис социального целеполагания, неясность ожидаемых и желаемых перспектив, неопределённость социальных ориентиров, отсутствие цели образования как таковой».

Эта точка зрения оказалась совершенно неожиданной для исследователей. Она принадлежит к разряду тех «неожиданных суждений», которым необходимо сугубое внимание, так как именно в таких случаях открываются новые горизонты осмысления перспектив происходящего.

Необходимо уточнить, что имелась в виду не цель образования как особой отрасли общественного производства, а полноценное качественное воспроизводство следующего поколения как совокупности всесторонне развитых Личностей, хороших Родителей, сознательных Граждан, добросовестных Работников. Речь шла о конкретной целевой ориентации СНО РФ: кого именно и как именно готовить в новых условиях жизни общества.

Один из экспертов дал развёрнутое пояснение: «Понятие кризиса имеет два значения — позитивное и негативное. Первое имеет в виду импульс развития, поскольку «бескризисность» равнозначна застою. Второе, как и при болезни, грозит катастрофой. Но у нас эта негативная сторона связана не столько с самой СНО, сколько с государственной политикой в области образования. Система народного образования, как видим, — чуть ли не единственная сфера общественного производства, которая в общем и целом устояла при всех передрыгах, не

потеряла своего потенциала и по многим параметрам постепенно вновь возвращается в режим развития». Можно по-разному относиться к такой точке зрения. Но ясно одно: без осмысления того, в какой именно ситуации находится сегодня СНО и какие тенденции преобладают в её текущем развитии, невозможно адекватно оценивать перспективы изменений в системе — и ожидаемые, и желаемые.

III

Насколько широким был разброс мнений экспертов при диагностике состояния системы народного образования в целом, настолько же неожиданно полным или, точнее, почти полным стало согласие при определении существенных проблем СНО. Эксперты не только назвали одни и те же проблемы, но даже расположили их примерно в одном и том же порядке с самыми незначительными вариациями.

Первое и второе места по частотности упоминаний и по степени важности разделили две проблемы: **содержание образования и состояние здоровья учащихся и детей дошкольного возраста.**

Содержание образования подверглось критике практически по всем статьям. Математика в школе несколькими экспертами была оценена как «чрезмерная по объёму» и почти всеми — как «неадекватная тому, что нужно потом в жизни подавляющему большинству абитуриентов». Один из экспертов уподобил её даже «мёртвым языкам в дореволюционной гимназии», поскольку девять из десяти школьников никогда не сталкиваются с алгеброй, геометрией и тригонометрией в своей последующей жизни. Физика, химия, биология, по мнению большинства экспертов, тоже перегружены материалом, годящимся разве лишь для приёмных экзаменов в вуз. При этом здесь, как и в математике, проблемное обучение подменено бесконечными абстрактными формулировками, ничего ни уму, ни сердцу не дающими. Русский язык преподаётся таким образом, что десятки грубых ошибок в сочинениях большинства выпускников — обычное дело. Школьная литература, как известно, отвратила от собственно литературы не одно поколение школьников (правда, некоторые эксперты уточнили, что «нелюбовь подрастающего поколения к какому бы то ни было чтению имеет более сложные корни, в которых надо разобраться специально»). Школьная история продемонстрировала «маниакальное пристрастие к второстепенным именам и датам», в результате чего «теряется смысл истории» и делается возможным «позорное шарлатанство псевдоисториков, наводнивших книжные полки бредовыми измышлениями по части отечественной и всемирной истории» (заметим, что это высказывалось почти за три года до того, как научная общественность восстала против «Новой хронологии» академика А.Т. Фоменко и его присных). Школьная география увлеклась описанием промышленности в разных городах мира, словно не замечая, как быстро меняется картина мировой экономики, и при этом уделяя совершенно недостаточное внимание экологическим проблемам. Физкультура и иностранный язык, которыми, по мнению многих экспертов, надо заниматься каждодневно (либо не заниматься совсем), «даются гомеопатическими дозами», и в результате выпускник не владеет иностранным языком совсем и физически так же бескультурен, как и до занятий физкультурой. Категорическая «двойка» была выставлена также преподаванию в обычной школе музыки и изобразительного искусства.

Что касается здоровья, то оно, казалось бы, должно идти по линии учреждений не столько образования, сколько здравоохранения. Однако масштабы заболеваемости таковы, что не могут не сказываться на эффективности СНО в целом, причём ряд заболеваний прямо связан с «накладками» школьной жизни. Эксперты приводили разные данные из разных источников. Но все сходились на том, что от трети до половины школьников страдают невротами, т.е. выходят из школы с расшатанной нервной системой, а немало становится кандидатами в контингент психдиспансеров. От половины до двух третей становятся аллергиками, т.е. уже не способны нормально существовать без постоянной медицинской и фармакологической

поддержки. Наконец, от двух третей до четырёх пятых школьников имеют серьёзные хронические проблемы с ухом-горлом-носом, зрением, позвоночником, а также с заболеваниями урологического и гинекологического характера. И если аллергию можно «списать» на окружающую среду, а часть неврозов и «ухо-горло-нос» — на семейно-бытовые причины, то большая часть неврозов, зрение и позвоночник — явный «продукт» школьной жизни, как она сложилась сегодня. Хуже всего, что рост помянутой заболеваемости продолжается такими темпами и масштабами, что заставляет бить тревогу о судьбе всего подрастающего поколения.

Серьёзные претензии по части содержания образования предъявлялись не только средней, но и высшей школе, а также дошкольным учреждениям. Кому не известно, например, что после отмены обязательного посещения лекций и семинаров на них нередко присутствует лишь несколько студентов из двухсот человек потока!

Не секрет также и то, что многие студенты сегодня подрабатывают, неделями и месяцами не посещая занятий и приступая собственно к учению только накануне экзаменов. Так, может быть, радикально изменить содержание учения в вузе сообразно сложившемуся фактическому положению вещей? В частности, провести более чёткий раздел между очной, заочной, вечерней и дистантной формами образования. Более тесно сопрячь их с производственной практикой по выбранной специальности, со сдачей профильных и общеобразовательных минимумов и т.д. Точно так же хорошо известно, что далеко не все детсады полностью используют потенциал дошкольного учреждения, а порой не дают и того минимума занятий с детьми, который предусмотрен обязательными программами.

Третье и четвёртое места по тем же критериям разделили проблемы, связанные с культурным обликом учащихся и с методиками обучения (включая существующую и желательную материально-техническую базу школы).

Почти все эксперты обратили внимание на то, что по своему культурному облику сегодняшней типичный абитуриент мало чем отличается от «лица с незаконченным средним образованием» и даже от покинувшего школу после первых трёх-четырёх классов. У слишком многих примерно один и тот же лексикон, перемежаемый сплошным матом, причём не только в присутствии женщин (чего раньше не было даже в уголовной среде), но и при самом активном участии женщин. Косноязычие, неумение изложить простейшую мысль ни устно, ни тем более письменно. Крайне низкий уровень культуры питания и питья, одежды и жилого интерьера, а главное — общения, знаний и труда. Всё это — очевидная недоработка школы. Как сказал один из экспертов, «за синусами-косинусами и образами Евгения Онегина мы забываем главное — сделать выпускника школы по уровню культурного развития хоть одной ступенью выше не имеющего образования некультурного человека».

Что касается методик и школьной материально-технической базы, то главное внимание эксперты обратили на компьютеризацию обучения. Один из них уподобил современную школу классу, где учатся считать на палочках и счётах, когда рядом у каждого лежит дешёвый калькулятор. С компьютером дело сложнее, потому что он пока очень дорогой, в обычной школе их мало, а то и совсем нет, его легко сломать, если оставить учащихся без присмотра наедине с ним. При этом нельзя упускать из виду динамику компьютеризации. Каждое новое поколение компьютеров теперь появляется в среднем почти каждые пять лет. Практически все эксперты считают, что всеобщую, поголовную компьютерную грамотность надо прививать при любой имеющейся технике. Даже, как выразился один из них, если на всю школу имеется только один старый, списанный компьютер с программой 80-х годов, его надо эксплуатировать 24 часа в сутки, чтобы каждый ученик под присмотром учителя просидел за ним хотя бы полчаса-час. Ибо без элементарной компьютерной грамотности в XXI веке человек будет выглядеть абсолютно так же, как неграмотный по сравнению с грамотным в XX веке. При этом все до одного эксперта так или иначе обратили внимание на то, что компьютер требует радикального пересмотра школьных программ по всем предметам.

Понятно, компьютером дело не ограничивается. Нельзя сбрасывать со счетов имеющуюся аудио- и видеотехнику, которая позволяет совершенно иначе построить практически любой урок, начиная с демонстрации опытов и кончая виртуальной экскурсией в любой музей

мира. В свою очередь, нельзя забывать и традиционные наглядные пособия, пусть даже столетней давности. Без них, как показывает опыт, эффективность урока значительно падает.

Последней по счёту, пятой из наиболее существенных проблем СНО, почти все эксперты назвали неудовлетворительное положение учителя. Возможно, эту проблему следовало бы назвать первой, но природная российская интеллигентность запрещает педагогу, вообще порядочному человеку, выдвигать собственную проблему на первый план. Но на какое бы место мы ни поставили проблему педагогических кадров СНО — всё равно она одна из ключевых. Положение учителя, как ни крути, весьма ущербно сразу в двух отношениях. Первое — зарплата намного ниже средней по стране, причём выплачивается нерегулярно, что заставляет прибегать ко всевозможным «приработкам». Второе — учителя бесконечно дёргают по пустякам все кому не лень, начиная с непосредственного начальства и любой бюрократической инстанции вообще и кончая агрессивными родителями. Что бы мы ни говорили о положении учителя, факты таковы: во-первых, верхний индикатор неблагополучия — пресловутая феминизация педагогических коллективов, когда 80–90% сотрудников женщины, во-вторых, массовое бегство педагогов в иные структуры, где платят в несколько раз больше, а унижений — намного меньше; в-третьих, постоянно сокращается и без того незначительный процент выпускников педучилищ, пединститутов, педуниверситетов, которые идут работать по полученной специальности. В результате сплошь и рядом складывается парадоксальная ситуация: в Москве, например, числились безработными десятки тысяч человек при пяти тысячах учительских вакансий.

Эксперты разделили своё видение решения на «идеальный» и «оптимальный» уровни (положив тем самым начало аналогичному строению в последующем нормативных прогнозных моделей). На идеальном уровне учитель и воспитатель дошкольного учреждения видятся в положении судьи (тоже идеального). Это *должность сугубо выборная* (конкурс или выбор родителей) с зарплатой и прочими весомыми благами любого госчиновника — как известно, немалыми. Этот идеальный учитель занят только своим непосредственным делом — педагогическим творчеством, поскольку во всём остальном его подстраховывают помощники — профессиональные или из числа родительской общественности. На оптимальном уровне требуется не менее чем средняя по стране зарплата и чётко отрегулированные условия труда.

Каждый из экспертов назвал ещё с десятков проблем — начиная с молодёжной наркомагии, преступности, беспорядочных половых отношений и т.п. и кончая многими из тех конкретных проблем школьной жизни, о которых мы говорили в предыдущей статье (см. НО. 2002. № 7).

IV

Значительный разброс мнений экспертов образовался при рассмотрении вопроса о возможности влияния на тенденции, наметившиеся в сфере развития СНО. Каждый воспринял этот вопрос по-своему. Одни делали упор на объективные тенденции развития страны, целиком связывая их с развитием СНО: если и дальше страна будет скатываться на положение сырьевого придатка США и Западной Европы, то и система образования России будет всё более уподобляться колумбийской, нигерийской или филиппинской. Поэтому начинать воздействовать на изменение СНО к лучшему необходимо с развития всего государства. Другие, не отрицая важности такого подхода, подчёркивали, что у СНО есть и свои собственные, специфические тенденции, которые тоже могут стать объектом воздействия. Одна из таких тенденций — совершенствование содержания обучения и методик. Другая — начавшийся процесс компьютеризации образования. Третья — некоторые позитивные сдвиги в подготовке педагогических кадров. Можно построить целый набор позитивных и негативных тенденций подобного рода и затем стремиться максимизировать первые, минимизировать вторые.

Были и эксперты, которые предлагали воздействовать непосредственно на систему народного образования, опираясь на новые факторы развития страны в целом: например, начавшееся в условиях депопуляции физическое вырождение народа ведёт в перспективе к нарастающему снижению числа детей вообще и школьников в особенности, что создаёт реальную возможность резко снизить наполняемость классов и тем самым повысить качество образования. Наши эксперты, как и сами интервьюеры, в 1997 г. ещё не знали о масштабах начавшегося вырождения, но уже прозорливо оценивали его возможные последствия. Напомним, что депопуляция привела в 90-е годы к снижению числа детей в стране более чем на пять миллионов (с 35 млн детей до 16 лет в 1992 г. до 30 млн к 2000 г.). В первом десятилетии XXI века ожидается нарастание этого процесса, в результате чего за школьными партами в 2005–2010 гг. останется всего два школьника вместо нынешних трёх. Появляется возможность уделить этим двум гораздо больше внимания, нежели трём.

Ещё одна тенденция — грядущее исчезновение миллионов рабочих мест в ходе начинающейся комплексной компьютеризации общественного производства. У нас и без того плохи дела с занятостью. На 65 млн работающих приходится свыше десятка миллионов формально или фактически безработных плюс ещё большего масштаба «скрытая безработица», когда люди на «избыточных» (ненужных общественному производству) рабочих местах получают символическую зарплату в несколько сот рублей. Теперь компьютеры миллионами «погонят» работающих с их привычных рабочих мест. Это способно повлиять на развитие СНО двояким образом. С одной стороны, резко возрастёт ценность каждого рабочего места и на должность учителя можно будет отбирать по конкурсу, что приведёт к существенному повышению качества педагогического корпуса. С другой — СНО обязана будет повернуться лицом к качественно новой производственной структуре общества, что неизбежно потребует кардинальных реформ в этой сфере. Мы продолжим эту тему во втором номере журнала в 2003 году.